

## НЕКРОЛОГИ

- I. Dannenskiold - Samøe, In memoriam Wolja Erichsen, «Das Altertum», 15, 1969, 1, стр. 59—64.*  
*«In memoriam William Stevenson Smith», AJA, 73, 1969, 3, стр. 275.*  
*W. R. Dawson, W. Stevenson Smith, Obituary, «Archaeology», 22, 1969, 2, стр. 141.*  
*Ph. Derchain, Paul Boucher, CdE, 83, 1967, стр. 123.*  
*Dia 'Abou - Ghassi, Alexandre Piankoff, CdE, 85, 1968, стр. 104.*  
*H. De Meulenaere, Louis Speleers, CdE, 83, 1967, стр. 128.*  
*«Giuseppe Botti», RSO, XLIII, 196, IV, стр. 379—382.*  
*B. Wande Walle, Alfred Hermann, CdE, 84, 1967, стр. 354.*  
*B. Wande Walle, Pierre Montet, CdE, 83, 1967, стр. 124.*  
*B. Wande Walle, Günter Roeder, CdE, 83, 1967, стр. 125—127.*  
*W. Westendorff, Hermann Grapow. 1.9. 1885—24.8.1967, ZÄS, 95, 1969, 2, стр. 252—253.*  
*W. Woll, Alfred Hermann, 11. Mai 1904—3. Februar 1967, ZÄS, 95, 1968, 2 стр. 254.*
-



## V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА»

Проблемы экономической истории стали обсуждаться на специальных международных конгрессах относительно недавно. I Международный конгресс экономической истории состоялся лишь в 1960 г. в Стокгольме, II конгресс в 1962 г. в Экс-ан-Провансе (Франция), III конгресс в 1965 г. в Мюнхене, IV — в 1968 г. в Блумингтоне (США). Успешная работа международных конгрессов в области экономической истории — знамение времени, она свидетельствует о том, что в системе исторических наук и среди общеперспективных концепций проблемы экономической истории занимают все более заметное место, и тем самым все большее и большее подтверждение находит одно из основных положений марксистско-ленинской науки о ведущей роли производительных сил в развитии человеческого общества.

V Международный конгресс экономической истории работал в г. Ленинграде с 10 по 14 августа. Он оказался наиболее представительным: в его заседаниях приняло участие около 1200 ученых из 38 стран мира (на IV конгрессе было всего около 400 участников).

Работа конгресса проходила на двух пленарных и многочисленных секционных заседаниях. 10 августа на пленарном заседании собравшиеся прослушали два доклада: председателя Организационного комитета конгресса члена-корреспондента АН СССР В. А. Виноградова «В. И. Ленин и историческая наука» и академика А. Н. Ефимова «Развитие экономического планирования в СССР».

Основная работа конгресса проходила в 9 секциях. Для историков древности, естественно, представляет особый интерес работа VII секции конгресса: «Экономическая история древнего мира».

Руководителем-организатором этой секции был профессор университета в Лейдене (Голландия) *Х.-В. Плекет*, выступавший на предшествующем IV Международном конгрессе с основным докладом по секции экономической истории древнего мира «Технология в греко-римском мире» и ранее опубликовавший ряд исследований по той же теме. В работе приняли участие многие специалисты, приглашенные из разных стран, и в зале заседаний было многолюдно. Секция была разделена на четыре подсекции, на которых обсуждались четыре общих доклада.

I подсекция (председательствующий *И. М. Дьяконов*, Ин-т востоковедения АН СССР, Ленинград) обсуждала проблему «Торговля и кредит в странах древнего Востока».

Основной доклад «Торговля на Ближнем Востоке в древности» был представлен профессором университета в Чикаго (США) *Л. А. Оппенгеймом*. Доклад этот (с которым участники заседания ознакомились по печатному тексту в отсутствие докладчика — с его разрешения) был построен, главным образом, на материалах месопотамских источников. Докладчик выясняет степень надежности и недостатки основных источников, в частности археологических свидетельств и документальных материалов. Характер месопотамской торговли объясняется особенностями географическо-политической и социально-экономической обстановки (в частности, контрастом между



исключительно сельскохозяйственной экономикой обширных аллювиальных равнин и мелким, зачастую связанным с ней, хозяйством долин в соседних горах) и наличием естественных путей сообщения (реки Евфрат, Тигр и его притоки Дигла, Верхний и Нижний Заб, река Хабур). На социально-экономическом уровне можно указать на иной контраст, стимулировавший развитие торговли в упомянутых районах. Имеется в виду различие между хозяйственным потенциалом Месопотамии, с одной стороны, и ее северных и западных соседей, с другой. Значительную роль в подъеме торговли сыграло различие технологических уровней, предопределившее направление потока товаров. Автор призывает быть осторожными в выводах, обнаруживая в раскопках изделия, выполненные в технике другой страны или просто в незнакомой технике (что обычно рассматривается как свидетельство торгового обмена). Такие изделия, насколько можно судить по некоторым источникам, иногда были изготовлены переселенными в Месопотамию мастерами и из привозного сырья, или принадлежали иноземным купцам (как некоторые древнеиндийские печати III тыс. до н.э.), или попали в раскапываемый город как награбленная добыча или полученная дань.

Исследование характера дальних торговых связей позволяет выделить два типа таких связей: один — условно названный центростремительным — лучше всего может быть показан на примере Вавилона III—II тыс. до н. э. Он характеризуется производством готовых изделий в храмовых и дворцовых хозяйствах, экспортом и обменом этих изделий на необходимые материалы, а также мобилизацией готовых товаров в виде военной добычи или дани. Второй тип торговли связан с перевозкой товаров, покупаемых в одном месте и продаваемых в другом. Оба типа торговых сношений, как показывает пример Ашшуря конца III — начала II тыс. до н. э., могли сосуществовать. Оба они, как правило, были тесно связаны с царским дворцом. Царь выступает в качестве покровителя купцов, а последние — как его эмиссары. Как теперь выясняется, лишь в уникальной социально-политической ситуации, сложившейся в колониях Ашшуря в конце III тыс., сухопутная торговля могла оказаться в частных руках и быть отделенной от двора.

Немало места в докладе уделено характеристике внутренней торговли, т. е. торговли внутригородской или между городом и его сельским окружением. Докладчик приходит к выводу о слабом развитии внутренней торговли. Мы не располагаем свидетельствами о какой-либо, пусть даже самой ограниченной частной производственной деятельности, ориентированной на местный рынок или на удовлетворение нужд деревни. Отсутствие регулярно действующих и оформившихся рынков (понимаемых и как сложившийся экономический механизм и как физическое состояние, характерное для города) касается и торговли продуктами питания. Подобная ситуация в основных чертах сохраняется в I тыс. до н. э. Автор приводит ряд данных, позволяющих судить о том, как государство изымало серебро, просачивавшееся каким-либо образом в город или деревенскую местность. В I тыс. до н. э., однако, как показывают документы из Сиппара и Вавилона, появляется розничная торговля в несколько большем объеме, хотя, главным образом, импортными товарами.

В заключение автор намечает некоторые перспективы исследования истории древнеближневосточной торговли, в частности, изучение географии торговли (т. е. происхождения основных видов сырья или распределение готовых изделий), а также анализ технической купеческой терминологии и социального положения лиц, участвовавших в торговле на всех экономических уровнях.

С сообщением «Частный кредит в торговле древней Западной Азии (II тыс. до н. э.)» выступила *Н. Б. Янковская* (Гос. Эрмитаж, Ленинград, СССР). Докладчик призывает воздержаться от окончательных выводов о характере древневосточной торговли, пока не будет предпринят сквозной тщательный анализ всего имеющегося материала, и намечает лишь некоторые предварительные результаты. Сейчас важно указать на то обстоятельство, что торговые архивы широко демонстрируют практику частной торговли, в то время как до сих пор историки древнего Востока слишком большое значение придавали централизованному распределению. Докладчик приходит к выводу о высоком развитии коммерческого кредита в международной торговле Западной



Азии II тыс. до н. э., которое при низкой товарности производства, однако, сопровождается бурным развитием ростовщических ссуд под недвижимость во внутренней торговле и закабалением неплатежеспособных должников в недрах тех обществ, на которые распространялась деятельность торговых корпораций. Разрушение самих основ общественного строя ростовщичеством в конечном счете приводит к истощению ресурсов государства, поэтому правители оказываются вынужденными перейти от контроля над деятельностью коммерсантов — в целях извлечения максимальных доходов из торговли на своей территории — к существенным мерам ограничения ростовщичества (но отнюдь не ликвидации его — для этого оно слишком тесно связано с интересами коммерческого кредита, с одной стороны, и государственного аппарата, с другой). Попытки отделить коммерческие ссуды от ростовщических и взять первые под защиту государства делались в старовавилонском законодательстве, но в условиях своего времени эти попытки не могли не быть половинчатыми и, видимо, не имели успеха.

Другое сообщение — «Денежно-весовая система в Палестине в первой половине I тыс. до н. э.» сделал *И. Д. Амузин* (Ин-т востоковедения АН СССР, Ленинград). Докладчик исследует основные денежно-весовые единицы: талант, мина, сикль, бека, нера, ним, кесита, парсин, их вес, определяет их метрологию. Хотя в Палестине этого время, возможно, уже имелись монетные эмбрионы, основным и решающим методом расчетов было взвешивание серебра с помощью гирь и весов. «Сравнительно обширная терминология, отражающая денежное обращение, а также развитие ростовщичества и попытки законодательного ограничения процентных займов свидетельствуют о проникновении денежных отношений во все сферы частной и общественной жизни».

В прениях выступили *М. Л. Гельцер*, *Ю. Б. Юсифов* и *И. М. Дьяконов* (СССР). Выступавшие высоко оценили доклад *А. Л. Оппенхейма*, отметив обилие приведенных им совершенно новых фактов; при этом, однако, было высказано сожаление в связи с тем, что вопросы истории торговли в докладе недостаточно связаны с вопросами истории общественного производства.

II подсекция (председательствующий *И. М. Дьяконов*, Ин-т востоковедения АН СССР, Ленинград) занималась темой «Проблемы городской экономики в странах древнего Востока». Основной доклад «Экономика древневосточного города (Передняя Азия, III—II тыс. до н. э.)» был прочитан *И. М. Дьяконовым*. По мнению докладчика, город как на древнем Востоке, так и в странах античного мира занимал ведущее положение в качестве центра экономической, социальной и политической жизни. «Можно даже, вероятно, утверждать, что древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города. Этим и определяется важнейшее место, которое занимает в экономической истории древности в том числе и древнего Востока проблема функционирования города».

В литературе часто встречается термин «город-государство», однако понятие это толкуется по-разному. Большим распространением пользовалась точка зрения, отождествляющая хозяйство такого образования с хозяйством храмов, причем сам «город-государство» мыслился как теократическая деспотия с «планируемой» сверху экономикой. Однако к настоящему времени появился ряд работ, исследующих и иные типы хозяйства, в том числе частное (домашне-общинное), и была предложена иная концепция социально-экономической структуры раннеавилонского города с учетом двух секторов хозяйства — дворцово-храмового и домашне-общинного.

В условиях древнего Востока пределом общинно-государственной интеграции было сравнительно небольшое территориальное образование, которое докладчик условно называет по египетскому образцу «номом». Территория его естественно ограничивалась, например, горной долиной или бассейном магистрального оросительного канала. Обычно здесь находился один, максимум два-три города с их округами. Интеграция более обширной территории, хотя и была возможна, но лишь как непрочное образование. Таким образом, за пределами отдельного нома не могло быть достаточно прочных экономических и политических связей. Центром нома или одного из



его районов и был город — хозяйственный центр, где осуществлялись связь и взаимодействие между царско-храмовым хозяйством и общинно-частным сектором, натуральный или товарно-денежный обмен между ремеслом и земледелием. Город был вместе с тем центром политическим (здесь сосредоточивались органы общинного самоуправления) и идеологическим — как средоточие культа главного номового божества, которому подчинялись другие местные культы.

В хозяйственном отношении город состоял в принципе из однотипных хозяйственных единиц, «домов», будь это хозяйство отдельных больших семей (домашних общин) или хозяйства царя и богов. Однако экономическое различие между теми и другими было велико, так как задачи хозяйств храмовых и царских были значительно шире, чем простое самовоспроизводство: обеспечение нужд культа, создание резервного и обменного фонда в масштабе всего государства.

Персонал храмового и царского хозяйства состоял из неполноправных, зависящих от божества или царя лиц, которые делились на служебный и рабочий персонал. Он вербовался из лиц, бежавших под покровительство храма или дворца от стихийных или социальных бедствий, а также из лиц, выделенных храму или дворцу номовой общиной. Пополнялся этот персонал также и из купленных или плененных рабов, фактическое положение которых не отличалось от положения остального рабочего персонала. Вознаграждался такой персонал либо выделением небольших земельных наделов под условием службы, либо натуральным пайком. Храмовая и царская земля была в принципе неотчуждаема. Хотя данный тип хозяйства был достаточно самодовлеющим, однако его нельзя представить целиком автаркичным и отрицать некоторых отношений обмена: получение сырья, орудий труда, ремесленных изделий (например, из дерева) и др.

В пределах царского и храмового хозяйств существовал для этой цели специальный обменный фонд, а его представители — *тамкары* и *шамаллумы* — выполняли роль торговых агентов, обслуживавших нужды хозяйств, не только царских и храмовых, но и частных. В международной торговле приобретают большое значение, наряду с царскими и храмовыми агентами, также частные и семейные торговые сообщества, объединенные в торговые станции-*карум*. Такие *карум* — постоянная и характерная особенность любого города во II тыс. до н. э. Как показали раскопки Вули в Уре, в городских домах существовали изредка специальные лавки, где велась торговля; розничная торговля имела место также и в тавернах, но, видимо, не существовало ничего похожего на позднесредневековые восточные базары, на европейские рынки или торговые кварталы. Для товарной продукции наличных денег в обращении было совершенно недостаточно. В этих условиях, а также при зависимости процесса производства от случайностей стихийного или социального порядка (недород или война и т. п.) создавались благоприятные условия для функционирования ростовщического капитала, кабальная сделка становится в Передней Азии повсеместным явлением. Ростовщичество не способствовало развитию торговых сношений, к тому же оно приводило к мобилизации земли и дополнительных рабочих рук при создании более крупных домов.

Хотя в целом экономика Передней Азии может быть определена как однотипная, внутри нее можно наметить два варианта дальнейшего развития: один, не знавший крупномасштабной ирригации (как, например, в Угарите), и другой, знавший ее (например, в Южной Месопотамии). В первом случае храмово-царские хозяйства не получили большого развития, а частные хозяйства развивались более естественно, без существенных помех со стороны царско-храмового сектора. В Двуречье же царский и храмовый сектор непомерно вырос, слившись в одно централизованное царское хозяйство в масштабе всей страны, поглотив не только земледелие, но и ремесло и международную торговлю. Однако даже для времени III династии Ура мы не можем говорить о полном исчезновении частного сектора, хотя он и был сильно ослаблен.

Падение III династии Ура и значительные политические пертурбации, последовавшие за вторжением аморитов, привели к сокращению царских и возрастанию удельного веса частных хозяйств. Закон еще различает полноправного гражданина — собственника земли и неполноправного, зависящего от царя клиента, обладающего



наделом царской земли за службу, но на практике происходит срастание этих групп населения, поскольку и те и другие ведут однотипное хозяйство, а царское хозяйство прекращает свое существование в сколько-нибудь значительных размерах. Царь и его аппарат существуют теперь не за счет специального царского хозяйства, а за счет налоговых поступлений.

Немалая часть городского населения имела сельскохозяйственные интересы, обладая наделами царской земли или своей землей за пределами городских стен. Но несмотря на это, жители вавилонского города XIX в. до н. э. — это, в основном, горожане не в меньшей степени, чем жители классических Афин. Многие жители городов связаны с дворцом или храмом, но лишь формально: они ведут частные хозяйства, большие семейные общины разлагаются на индивидуальные семьи. Важную роль в этих хозяйствах начинают играть рабы типа, мало отличающегося от классического. Тем не менее приток рабов за счет войны оказался недостаточным, и долговая кабала продолжает играть важную роль. Ростовщичество все более подтачивает основы общественного расширенного воспроизводства, что (вместе с засолением почвы), очевидно, и привело Вавилонию к глубокому упадку в касситский период. Устойчивого товаропроизводящего городского хозяйства не сложилось. Сходными причинами (наряду с чисто социально-политическими бедствиями — такими, как военные нашествия и переселения племен), вероятно, должен объясниться упадок малоазийского и ассирийского общества в самом конце II — начале I тыс. до н. э.

М. Л. Гельцер (Вильнюсский педагогический ин-т, СССР) выступил с сообщением «Экономика сирийского города во II тыс. до н. э. (на примере Угарита)». Угарит рассматривается докладчиком как образец восточного города-государства, в экономике которого приращивающее земледелие не играло решающей роли. Докладчик осветил основные особенности сельского хозяйства, ремесленного производства и первичной обработки сельскохозяйственной продукции, коснулся торговли и обмена в Угарите. Большое место в сообщении уделено выяснению соотношения царского и частного хозяйства и весьма специфической системе организации царского хозяйства в Угарите. Имеющиеся источники показывают, что большая часть земельного фонда принадлежала общинам, а царская земля (по мнению автора, она имела в 40% общин Угарита) в целом покрывала около  $\frac{1}{4}$  —  $\frac{1}{3}$  всего культивируемого земельного фонда. Внутри общин земельные участки владельцев были неодинаковыми, а отчуждение земли — свободным. Нам известны собственники значительных земельных владений, рабов, скота. Потерявшие свою землю члены общины теряли права в общине, так же как и обязанности. Основной рабочей силой на царских землях были зависимые царские люди (как земледельцы, так и лица, не связанные с сельским хозяйством). Продукция таких работников поступала на царские склады, откуда она распределялась централизованно. Частично продукция шла на экспорт, в то же время некоторые виды сырья, например медь, получали путем импорта.

Специфическая экономика Угарита могла развиваться лишь благодаря исключительно благоприятным условиям: расположению на перекрестке морских и сухопутных дорог и политической ситуации, характеризовавшейся известным равновесием могущественных держав того времени. Быстрое разрушение Угарита при первом же натиске морских народов говорит о непрочном характере такой системы.

В прениях выступили Л. Вельскофф (ГДР), Э. Бикерман (США), Р. Богарт (Бельгия), Н. Б. Янковская и М. Л. Гельцер (СССР). Выступавшие, в основном, согласились с доводами докладчика, хотя отдельные сомнения были высказаны Л. Вельскофф и М. Л. Гельцером; Н. Б. Янковская критиковала некоторые стороны концепции М. Л. Гельцера.

В III подсекции (председатель К. Николе, Сорбонна, Париж) обсуждалась проблема: «Денежное хозяйство в греко-римском мире». На заседании этой подсекции был прослушан доклад профессора университета г. Ренна (Франция) Ж. П. Каллю «Функции денег в римском обществе в период Империи».

Рассмотрение темы в докладе начинается с вопроса о том, основывалась ли экономика Римской империи на денежных отношениях? Само это понятие докладчик рас-



смаатривает в двух аспектах. В своем полном объеме оно может быть применено к капитализму современного типа, при котором деньги распространяются посредством кредита (долгосрочного и на сроки средней продолжительности) и вкладываются в рентабельные предприятия; в результате происходит возрастание капитала и стимулируется развитие производства. С другой стороны, в более ограниченном значении то же понятие противопоставляется понятию натурального хозяйства и может быть применено к обществу, где при отсутствии доминирующей автаркии — прямого кругооборота повинностей и выплат — все, что угодно, может быть оценено, пущено в продажу, куплено благодаря наличию денежного обращения. При исследовании следует делать различие между этими различными значениями понятия и избегать экстраполяции.

Докладчик в своем анализе исходит из того понимания назначения римских денег, которое предполагает их функцию не как государственного платежного средства, а как важнейшего фактора повседневной жизни римского общества. Поставлены в докладе и источниковедческие проблемы, возникающие при исследовании нумизматического материала. Автор обращает внимание на обилие этого материала и точность его данных, позволяющую (в отличие от данных других категорий источников) хотя бы в некоторой степени применить статистический метод исследования. Не следует, правда, и переоценивать открывающиеся возможности: поскольку находки распределяются неравномерно (в частности, очень мало из сельской местности и из некоторых провинций) — существует опасность генерализации частных случаев.

Автор обращает внимание на любопытный факт: относительное обилие монеты, находившейся в обращении во второй половине III и в IV в. н. э., когда, по мнению многих ученых, в Империи укрепляется натуральное хозяйство. Причем всякий раз, когда государство не могло представить в распоряжение населения денежные единицы в связи с прекращением официальной чеканки или трудностями в доставке монет, провинциальное население чеканило металлические деньги по собственной инициативе.

Большое влияние на состояние монетного обращения в Римской империи оказывал цензитарный характер римского общества — определение юридического места того или иного лица в обществе в зависимости от величины имущества, выраженной в сестерциях, — а также оценка повседневного дохода, жалования или какого-либо содержания в денежных единицах. Правда, этому противостояла довольно широкая практика распределения продовольствия среди рабов, городского плебса, солдат, а также сбор некоторых налогов в натуральной форме. Указанная практика имела распространение еще в эпоху ранней Империи, и ее нельзя объяснить только кризисными моментами. Она сокращала и ускоряла общий обменный цикл, упраздняла два этапа денежных превращений, позволяла государству избегать увеличения жалования чиновникам и солдатам, а также снижала опасность инфляции. В этот период выдача годовых норм продовольствия представляла собой не возврат к натуральному хозяйству, а техническое мероприятие, вводившееся сильной центральной властью для рационализации режима выплат гражданских и военных пособий.

В докладе исследуются основные статьи расходов населения Империи, предполагающие денежные исчисления и тесно связанные с монетным обращением: расходы на повседневные нужды, производительные капиталовложения, налоги и частную благотворительность (эвергетизм). Расходы на повседневные нужды предполагали затраты на питание (даже при распределении продуктов из государственных складов для некоторой категории городского населения), на одежду, жилище, религиозные обряды, лечение и развлечения. Все эти расходы требовали большого количества монеты.

Довольно подробно разбирается важная проблема производственных капиталовложений, которые, по мнению докладчика, имели место в римской экономике. Прежде всего, приобретенные деньги затрачивались на покупку земельных владений, однако, купив землю, ее владелец, видимо, избегал новых расходов на разные улучшения и предпочитал получать средние урожаи.



Другим популярным средством использования денег как источника дохода было ростовщичество. Однако римское ростовщичество не было направлено на финансирование производства или торговли, приобретение земли, но либо толкало мелких собственников в трясину растущей задолженности, либо было связано с непродуктивными тратами. «По причинам технического, социологического и экономического характера Римская империя не знала массового производства и всего того, что оно приносит. В силу этого ей оставались неведомы конкуренция, завоевание рынков, а также и долгосрочный кредит. Денег хватало, но они шли на поддержание существующего порядка и не становились двигателем революции, которая до наступления индустриальной эры должна была пройти еще торговую фазу».

Хотя деньги и вкладывались в торговлю и ремесленное производство, но вряд ли это делалось в значительных размерах. Исследование монетных систем восточных провинций IV в. показывает, что всеобщего распространения денег и обращения их по всей Империи не было: основная масса монетного металла поставлялась местными монетными дворами и обслуживала определенный регион, включавший несколько провинций, хотя и в его пределах встречаются монеты, чеканенные в Италии или других провинциях, иногда далеких.

Выплата налогов, постоянно возраставших со времени Веспасиана, требовала от населения звонкой монеты, хотя перевод некоторых налогов в натуральную форму уменьшал нужду в деньгах. Определенные затраты денежных средств предполагались довольно развитой в античности, пропитанной идеями стоицизма, благотворительностью высших классов.

С точки зрения строгой рентабельности значительная часть денежных средств в римском обществе оставалась без применения из-за отсутствия возможностей производственных капиталовложений: люди помещали их в банки, сейфы, зарывали в землю, обращали в утварь, украшения, которые лежали мертвым капиталом. Империя умирала, сидя на складах золота. Античные мыслители в конечном счете отрицали присущую деньгам способность производить богатство, низводили роль денег к тесере, дающей право на потребление тех или иных благ. Они подчеркивали распределительный характер социальной справедливости, видели настоящее состояние в труде земледельца.

Проф. К. Николе (Сорбонна, Париж) сделал сообщение: «Объяснительная схема колебаний цен и стоимости денег („Количественная теория денег“)

Историки обычно относят возникновение так называемой «количественной теории» денег к новому времени или, в крайнем случае, к концу Средневековья. Эта теория устанавливает логическую зависимость между колебаниями цен и количеством денежных знаков, находящихся в обращении. Иногда эту теорию называют законом Бодэна.

Докладчик приводит ряд аргументов и свидетельств древних авторов — в том числе и процитированных в труде самого Ж. Бодэна (1578 г.), которые ясно говорят о знакомстве древних с «законом Бодэна» — количественной теорией денег. Древние авторы (Цицерон, Дион Кассий, Плутарх и многие другие) правильно сопоставляют обилие или нехватку драгоценных металлов и падение или рост стоимости денег не с эволюцией цен на продовольствие, которые в древности обычно были искусственными, а с движением цен на землю. Это свидетельствует о ясном понимании «закона Бодэна».

Интересной частью сообщения Николе был анализ финансовой деятельности Цицерона во время политического и финансового кризисов в 66 и особенно в 64—63 гг., связанных с заговором Катилины.

Конкретные действия сената и Цицерона, направленные на преодоление финансового кризиса (запрещение вывоза драгоценных металлов из Италии, мораторий по некоторым долговым обязательствам — мера Консидия, согласованная с Цицероном, поощрение земельных операций, продажи земель для покрытия долгов) смогли разрядить финансовую и денежную обстановку, которая грозила взрывом.

Эти меры говорят о том, что Цицерон прекрасно понимал «закон Бодэна» и практически применял его в своей государственной деятельности. «Но в то же время это до-



казывает, что в обществах того времени экономический, а в особенности денежный элемент, не играл столь важной роли ни для конъюнктуры, ни для социальных услуг. Гораздо больше значили внеэкономические соображения, типичные для античного общества. Как правило, оно жило под знаком бедности, острого недостатка денег и средств производства, а социальные проблемы в нем постоянно заслоняли экономические. Поэтому постепенное разрешение экономических вопросов в течение длительных сроков было гораздо менее ощутимым для современников, чем внезапные и жестокие кризисы».

Профессор университета в Генте (Бельгия) *Р. Богарт* выступил с сообщением «Экономические функции древнегреческих банков». Проследивая историческое развитие древнегреческого монетного обращения, докладчик говорит о постепенном вытеснении серебром других монетных металлов и, в связи с этим, некоторой унификации монетного обращения в Греции. В процессе этого развития меняльная контора постепенно превращается в собственно банк. Банкиры использовали рекламу для привлечения вкладчиков; появляются разные виды вкладов: регулярные (хранение без права пользования), нерегулярные платежные (т. е. с правом выплаты некоторых сумм третьему лицу по поручению вкладчика) и вклады, предполагающие право банкира временно использовать их для своих целей. Получают распространение платежные поручения, в частности переводы банковского счета одного вкладчика на имя другого, хотя вряд ли можно говорить о распространенности такой практики. В международных и межгородских расчетах система безналичных пересчетов в древней Греции не получила развития, но в римский период в связи с политической стабилизацией она пользовалась некоторым распространением.

В классический период займы у банков использовались главным образом для непроизводительных целей, но в эллинистический и римский периоды несколько увеличилось число займов, использовавшихся для целей производства, и роль банков в кредитовании производственной деятельности возросла.

По докладу *Ж. П. Каллю* и сообщениям *К. Николе* и *Р. Богарта* развернулась дискуссия, которая продолжалась не только отведенное для работы данной подсекции время, но заняла часть времени, запланированного по регламенту конгресса для работы IV подсекции. В дискуссии приняли участие *Л. К. Руджини* (Италия), *М. Х. Крофорд* и *Р. П. Дункан-Джонс* (Англия), *Р. Мартен* (Франция), *Д. Митря* (Румыния), *П. О. Карышковский*, *М. Ю. Бортник* и *Л. М. Глукина* (СССР). Большинство выступавших довольно серьезно критиковало положение доклада *Ж. П. Каллю*. *М. Ю. Бортник* отметил неточное употребление термина «банк» *К. Николе* и *Р. Богартом*. *Л. М. Глукина*, опираясь на конкретные данные источников, внесла уточнения в некоторые тезисы *Р. Богарта*.

В IV подсекции (председательствующий *Х. В. Плекет*), основной доклад «Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э.» был прочитан *В. И. Кузицыным* (Московский гос. ун-т, СССР).

Докладчик обращает внимание на отсутствие специальных исследований по одной из важнейших экономических проблем древности — проблеме производительности рабского труда, на распространенность в концепциях современных исследователей древнего мира морализаторского понимания античного рабства, которое априори предполагает пагубное влияние рабства на все стороны античной жизни и экономики, а следовательно, и весьма низкую производительность рабского труда, по сравнению с трудом мелких свободных производителей.

В докладе дается определение производительности труда и выясняются основные факторы, которые на нее влияют: технический уровень, накопление производственного опыта, среднее искусство рабочего, организация производственного процесса и рост разделения труда, степень развития науки и ее технологического применения, специализация и кооперация труда, степень развития товарного производства.

Производительность труда зависит от многих условий и потому необходимо изучать главные определяющие ее факторы и их взаимодействие, а не какой-нибудь один из них. От производительности труда как таковой следует отличать интенсивность



труда, поскольку при интенсификации труда рост продукции достигается простым увеличением физического напряжения работника.

Исследование условий и факторов, определявших производительность труда в сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э. не позволяет говорить о менее благоприятных условиях в рабских коллективах, по сравнению с мелкими хозяйствами, что говорило бы о более низкой производительности рабского труда, сравнительно с трудом свободным или зависимым. Напротив, общая совокупность этих условий была более благоприятной именно в передовых рабовладельческих имениях (более высокий технический уровень, лучшая организация и кооперация труда, простое товарное производство, применение достижений тогдашней науки, система надзора и контроля, нормирование труда), что делало рабский труд, скорее всего, более эффективным, чем труд свободного мелкого производителя.

Производительность рабского труда не стояла на одном уровне в течение всего исследуемого периода. Определяемая рядом условий и факторов, она менялась в целом в сторону повышения, и, надо думать, достигла самого высокого уровня в промежуток времени с середины I в. до н. э. по середине I в. н. э. Видимо, эволюция была такова: рабский труд до II в. н. э. в Риме был менее эффективным, чем труд свободного мелкого производителя, который во II—I вв. до н. э. вытеснялся из деревни в силу многих — не только экономических — причин. Но по мере совершенствования рабовладельческого хозяйства и в результате действия других факторов происходит повышение производительности рабского труда в передовых имениях вплоть до того пункта, когда он стал даже превосходить производительность труда свободного производителя, достигнув наибольшей высоты в указанный выше период. Рабовладельцы этого времени были заинтересованы в росте производительности рабского труда.

Производительность рабского труда была не одинаковой в различных типах хозяйств: наивысшей она была в рабовладельческих виллах средних размеров (порядка одной — нескольких центурий), стоявших в центре внимания авторов сельскохозяйственных трактатов. Более низкой она была в латифундиях — как централизованных, так и децентрализованных — и в хозяйствах среднего размера, мало связанных с рынком. Поэтому решение вопроса об общем уровне производительности рабского труда во II в. до н. э. — I в. н. э. зависит от определения ведущего типа рабовладельческого хозяйства этого времени. По мнению докладчика, таким ведущим типом рабовладельческого хозяйства Италии II—I вв. до н. э. и отчасти в I в. н. э. были средних размеров вилла, описанная Катонем, Варроном, Колумеллой, что и определяло общий высокий уровень производительности рабского труда в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

В IV подсекции было прочитано наибольшее количество сообщений.

Сообщение *К. М. Колобовой* (Ленинградский гос. ун-т, СССР) «Производительность рабского труда» было построено главным образом на материалах древнегреческого ремесла V—IV вв. до н. э. Докладчик развивал тезис о весьма низкой производительности рабского труда по сравнению с трудом свободного производителя. Рабство вело производство и общество древней Греции к тупику и трагедии, оно пагубно влияло не только на рабское, но даже и на свободное производство, воспитывая и распространяя презрительное отношение к трудовому процессу, подрывая его самые глубокие основы, закрывая сами стимулы развития производства. Докладчик обращает внимание на низкий уровень технического обеспечения, недифференцированность труда в ремесленных мастерских V—IV вв. до н. э., что не могло не приводить к весьма низкой производительности рабского труда.

*Е. Колендо* (Ин-т исторических исследований, Варшава, ПНР) выступил с сообщением «Возможности и границы изучения производительности труда рабов в сельском хозяйстве античной Италии». Докладчик обращает внимание на относительно многочисленные данные о нормах труда рабов, сообщаемые античными агрономическими писателями, которые уделяли им особое внимание. Древние знали некоторые экономические категории, связанные с производительностью труда, в частности, Сазерны, четко различали физическую производительность труда (площадь земли, которую



один человек мог обработать в течение одного дня) и экономическую производительность труда (площадь земли в действительности обработанная одним человеком).

Однако нельзя и преувеличивать значение сведений римских писателей-агрономов о нормах выработки рабов. Дело в том, что многие нормы касаются лишь некоторых и притом второстепенных работ. К тому же не все эти нормы относятся в точности к рабам, особенно это касается данных Колумеллы. Докладчик полагает, что для анализа производительности рабского труда наиболее важны данные Катона и Сазерны, тогда как сведения Варрона и Колумеллы имеют меньшее значение, поскольку они копируют данные Сазерны, к тому же многие сведения Колумеллы трудно отнести с определенностью к рабскому или свободному труду.

Наилучший метод изучения производительности рабского труда состоит в реконструкции точки зрения древних на связанные с ней проблемы. В целом они считают, что рабский труд не отличался высокой производительностью и прежде всего это относится к закованным рабам. Докладчик обращает внимание на попытки рабовладельцев заинтересовать рабов в результатах своего труда, на использование таких факторов повышения производительности рабского труда как его кооперация и специализация. Сокращение притока рабов в начале Империи заставляло рабовладельцев повышать технический уровень своих хозяйств, экономить труд рабов за счет некоторого повышения его производительности. В заключение своего сообщения докладчик обращает внимание на множественность факторов, определявших производительность рабского труда.

*И. Бежуньска-Маловист* (Варшавский ун-т, ПНР) сделала сообщение «Рабский труд в сельском хозяйстве Египта римской эпохи». В эллинистическую эпоху, говорит докладчик, рабство не было распространено в сельском хозяйстве Египта, и лишь в римскую эпоху положение несколько изменилось. Образование *obscia*, а затем и мелкой частной собственности значительно расширило применение рабского труда в сельском хозяйстве, о чем свидетельствуют многочисленные данные. Однако, к сожалению, у нас очень мало сведений о роде деятельности упоминающихся в документах рабов и о производительности их труда. К тому же трудно провести четкую границу между рабами и свободными работниками. Тем не менее создается впечатление, что рабский труд был не менее квалифицированным, чем труд свободных, и достаточно выгодным. Производительность рабского труда была, видимо, не ниже общего уровня.

*Э. Бикерман* (Колумбийский ун-т, США) в своем сообщении «Гракхи и рабство в Италии» рассматривает рабство с экономической точки зрения и обращает внимание на известную дороговизну рабского труда, связанную с покупкой и содержанием раба, даже не работающего. В связи с этим, подчеркивает он, рабовладелец должен был рационально организовать рабский труд, чтобы он приносил доход. Распространение рабства в Италии II—I вв. до н. э. показывает, что оно было выгодным. Его внедрение было связано с происшедшей в начале II в. до н. э. в Италии агрикультурной революцией. Основной причиной этой революции докладчик считает изменение питания населения: прежде всего введение в повседневный рацион пшеничного хлеба, мяса, оливкового масла, вина. Это толкало вперед итальянское сельское хозяйство, в частности, способствовало развитию культуры пшеницы, виноградарству, оливководству, скотоводству. А эти отрасли сельского хозяйства нуждались в приложении значительно большего труда, чем могло дать свободное сельское население, требовали дополнительных рабочих рук, которые и поставляли рабы, функционально соответствовавшие современному пролетариату. Распространение рабства, таким образом, способствовало в то время развитию сельского хозяйства и общества Италии. Поэтому попытки Гракхов затормозить проникновение рабства в римскую деревню и восстановить мелкое крестьянское землевладение, более отсталое, чем основанное на рабском труде, должно рассматриваться как недальновидные усилия повернуть назад общее движение Италии.

В связи с тем, что часть вечернего заседания была посвящена дискуссии по докладу Ж. Каллю, а также в связи с обилием сообщений, осталось очень мало времени для



дискуссии по докладу В. И. Кузищина. В прениях успели выступить лишь два члена конгресса — *Р. Мартен* (Франция) и *И. Ф. Физман* (СССР).

Важные для истории древности проблемы затрагивались и в ходе работы других секций. В этой связи надо отметить прежде всего V секцию «Историческая эволюция форм феодальной собственности» (руководитель-организатор *З. В. Удальцова* — Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва) и прежде всего доклад *А. Р. Корсунского* (МГУ, СССР) «Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе». В этой же секции обсуждалась столь интересная проблема как «Особенности разложения докапиталистических форм собственности в Азии». Ей были посвящены сообщения *Х. К. Тагахаси* и *Каиширо Оиси* — Токио, Япония), *Х. Р. Райта* (ун-т Макгилла, Канада), *Г. Г. Котовского* (Ин-т востоковедения, Москва).

Из докладов и сообщений VI секции «Сухопутные торговые сношения между Европой и Азией. (До возникновения железнодорожного сообщения)» (руководитель-организатор *Г. Келленбенц*, ун-т в Кельне, ФРГ) следует отметить представляющие интерес для истории древности и средних веков сообщения *О. Д. Лордкипанидзе* и *Д. Л. Мухелишвили* (Тбилиси, СССР) «Закавказье в международной торговле Востока и Запада с древнейших времен до XIX в.» и *С. Т. Еремяна* (Ереван, СССР) «Роль Армении и армянского купечества в развитии торговли между Европой и Азией с древнейших времен до XIX в.».

Большой теоретический интерес представляли многие вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях VIII и IX секций: «Модернизация экономической и социальной структуры в условиях многоукладной экономики» (руководитель-организатор *П. Вилар* — Сорбонна, Париж) и «Методология и методика исследования историко-экономических явлений» (руководитель-организатор *К. Гламан*, Ин-т экономической истории. Копенгаген).

На пленарном заседании 14 августа руководители секций выступили с отчетами, в которых они подвели итоги работы секций, отметили высокий уровень организации конгресса, большое научное значение докладов и сообщений.

Работа конгресса проходила при самом активном участии ученых Советского Союза и социалистических стран.

Во время работы конгресса состоялось заседание Генеральной Ассамблеи Международной ассоциации экономической истории, на котором были проведены выборы руководящих органов Ассоциации и принято решение о времени и месте проведения следующего VI Международного конгресса экономической истории. Президентом Международной Ассоциации экономической истории был избран представитель Дании, профессор Института экономической истории в Копенгагене *К. Гламан*, вице-президентом Ассоциации — представитель СССР член-корреспондент АН СССР *В. А. Виноградов*, Генеральным секретарем Ассоциации вновь был избран профессор политехнической федеральной школы в Цюрихе (Швейцария) *Жан-Франсуа Бержье*. В состав Бюро Ассоциации вошел также советский представитель *Г. Г. Котовский* (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва). Следующий VI Международный конгресс экономической истории было решено созвать в 1974 г. в Копенгагене.

*В. И. Кузищин*

## НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Б. В. ФАРМАКОВСКОГО

25—28 января 1971 г. в Ленинграде состоялась организованная Институтом археологии АН СССР, Ленинградским отделением ИА АН СССР и Государственным Эрмитажем научная конференция, посвященная художественной культуре и археологии античного мира в связи со 100-летием со дня рождения выдающегося русского и советского археолога и историка античного искусства Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928). В работе конференции приняли участие антиковеды Ленинграда, Москвы, Киева, Тбилиси, Одессы, Николаева, Севастополя, Батуми,